

Смутные времена

Сороковой год правления императора Цзяньчжана выдался беспокойным. При дворе, после многих лет безрассудства, император наконец объявил о своей болезни и отошёл от дел, проводя дни в утехах с наложницами. Власть временно перешла к Одиннадцатой принцессе.

Одиннадцатую принцессу, Лю Ицин, знали все. В шестнадцать лет она по своей воле отправилась с миссией мира к западным варварам. В двадцать она вернулась в столицу с младенцем на руках, шкатулкой с головой своего мужа и картой земель западных варваров.

По иронии судьбы, в то время, когда она вернулась, любимицей императора была госпожа Чу Сю'эр, в детстве бывшая её компаньонкой по учёбе. Мать Чу Сю'эр была сестрой императора, и они с Лю Ицин выросли вместе во дворце. Повзрослев, Чу Сю'эр была выдана замуж за простолюдина. Она с юности славилась своим поэтическим даром и теперь часто бывала во дворце, сопровождая императора под предлогом обмена стихами.

Где дует самый ласковый ветер? Разумеется, у изголовья императора.

С тех пор Лю Ицин за несколько лет укрепила своё положение, её власть и авторитет росли с каждым днём. В этом году она возглавила Министерство наказаний.

В мире боевых искусств в первом месяце года два самых многообещающих ученика из двух крупнейших орденов, Ордена Безмолвных Цикад и Павильона Гаснущего Светильника и Темного Дождя, оказались заперты в заснеженных горах. Вскоре после этого скончался от болезни семидесятилетний Святой Клинка, Мужун Хаосюэ. В начале весны за самовольное спасение людей был отстранён от должности один из видных деятелей Павильона, Шангуань Цюэ. Вскоре после этого остатки Культа Красного Вэй вырезали школу Линьси. К Празднику драконьих лодок Павильон Гаснущего Светильника и Темного Дождя назначил заместителя Владыки Павильона Светильника в Лояне, а вскоре и Орден Безмолвных Цикад определился с преемником — Вань Минъюэ. В седьмом месяце на состязаниях в Тайюане заявили о себе новые таланты из разных школ.

Но никто не ожидал, что в начале восьмого месяца заместитель Владыки Павильона Гаснущего Светильника и Темного Дождя, Хань Линь, будет схвачен властями.

Те, кто шёл по пути цзянху, убивали разбойников, вступались за несправедливо обиженных. Говоря языком буддистов, их карма была отягощена убийствами. Не было ни одного, кто бы не нёс на себе бремя кровавых долгов, и никто не мог выдержать дотошного расследования властей.

Отношения между цзянху и двором всегда были натянутыми. Нынешняя правительница, Одиннадцатая принцесса Лю Ицин, не любила шумный мир боевых искусств и, едва придя к

власти, искала повод для показательной расправы. Теперь, когда Хань Линь попал в её руки, его судьба была предрешена.

Положение усугублялось тем, что Хань Линя арестовали во время покушения.

Он получил приказ от Владыки Павильона убить на пиру высокопоставленного сановника. Этот сановник был главным зачинщиком убийства жены и детей Цзян Шуйяня. За прошедшие годы Павильон Гаснущего Светильника и Темного Дождя одного за другим устранил всех чиновников, причастных к этому делу. Остался лишь этот, крайне осторожный человек, которому несколько раз удавалось избежать смерти. В прошлом году Цзян Шуйянь был ранен в правую руку, и его сила ослабла. Перед уходом с поста у него осталось лишь одно желание, одна навязчивая идея, мучившая его более двадцати лет. Не отомстив, он не мог умереть спокойно.

Сановник знал, что за его головой охотятся, и его дом и поместье были под строжайшей охраной. Шпионы несколько раз докладывали, что единственная возможность для покушения представится, когда он отправится на празднование дня рождения своего учителя.

Для этого убийства Цзян Шуйянь специально послал Хань Линя. Это было всё равно что стрелять из пушки по воробьям, но требовалась стопроцентная гарантия.

Хань Линь, переодевшись слугой, должен был убить его, подавая блюда. Но он не ожидал, что, как только он войдёт в зал с подносом, снаружи ворвутся устроившие засаду стражники.

Хань Линь среагировал мгновенно. Он швырнул поднос с едой в лицо ближайшему стражнику, выхватил из-за голенища кинжал и метнул его. Со свистом лезвие вонзилось в горло сановника.

Говорят, убедившись, что сановник мёртв, он ещё долго дрался с солдатами голыми руками. Когда его наконец повалили на землю, он сорвал с запястья браслет из красных бобов, раскусил бусины и проглотил. Сколько бы стражники ни пытались разжать ему рот, сколько бы ни пинали его в живот, он не сдавался.

В тот год ближе к Празднику середины осени в Чанъане пошёл дождь. Когда И Утун открыла дверь Шангуань Цюэ, прохладный, влажный воздух, смешанный с ароматом османтуса со двора, ворвался в комнату, приятно остудив её покрасневшее лицо.

Из-под широкополой шляпы Шангуань Цюэ бросил взгляд на её растрёпанную одежду, слегка кивнул, снял плащ и вошёл в дом.

— Ты же был в Шаньси, как оказался в Чанъане? — вежливо спросила И Утун, доставая чайный сервиз.

Её голос был немного хриплым. Заметив это, она поспешно откашлялась.

Шангуань Цюэ подошёл к окну, положил руку на чайный сервиз, который она собиралась открыть, и, глядя на ночной дождь, сказал, ни к кому конкретно не обращаясь: — Прошу посторонних удалиться.

Во внутренней комнате на мгновение воцарилась тишина, а затем послышался шорох одежды. Вскоре оттуда поспешно вышла девушка. Она бросила взгляд на И Утун, закусив губу и, набравшись смелости, сказала: — Я искренне люблю Тунтун.

Услышав её голос, Шангуань Цюэ обернулся и посмотрел на эту милостивую девушку, которая в начале года приехала издалека, чтобы присоединиться к Павильону Гаснущего Светильника и Темного Дождя, и которая лечила Хань Линя от гу «Ледяного Холода». Затем он снова отвернулся. — Ваши личные дела меня не касаются.

Тун Линлин обменялась взглядом с И Утун. Увидев, что та просит её уйти, она помедлила мгновение и вышла за дверь.

И Утун тоже было неловко. Она потёрла нос и поправила одежду.

Когда шаги затихли вдали, Шангуань Цюэ закрыл окно, но так и не повернулся. — Я пришёл по делу Хань Линя.

И Утун догадывалась, что речь пойдёт об этом. Хань Линь ей нравился, да и с Вань Миньюэ у неё были неплохие отношения. Она уже думала, как можно помочь, но ничего не вышло.

Она села за стол и в одиночестве выпила чашку чая. — Хань Линя уже отправили в столичную тюрьму. В местах, где сильна власть чиновников, влияние Павильона Гаснущего Светильника и Темного Дождя невелико. Спасать его из столицы? Владыка Павильона Цзян, возможно, не настолько любит Хань Линя.

— Я хоть и получила повышение в Чанъане, но меня по-прежнему притесняет этот новый заместитель, Цуй Фу, назначенный в прошлом году. Ты же знаешь, что он за человек. Ты мотаешься по всей стране, но не можешь вернуться в Лоян — это всё его наущения Цзян Шуйяня. Хань Линь перешёл ему дорогу к власти, и он уже несколько раз подставлял его в Чанъане. Вспомни, как в прошлом году он, не разобравшись, отправил Хань Линя в Цзинь-Алинь ловить каких-то мошенников. А когда Хань Линь попал в беду, он скрыл эту новость от Цзян Шуйяня. Думаешь, он станет уговаривать Цзян Шуйяня спасти Хань Линя?

— Дело об убийстве было так важно для Владыки Павильона, и круг посвящённых можно было пересчитать по пальцам одной руки. Но Цуй Фу был в их числе. Скорее всего, это он донёс властям. Он действует осторожно, мы с Тун Линлин несколько дней искали, но не нашли никаких следов. На этот раз придётся проглотить обиду.

— Возвращайся поскорее в Шаньси, пока тебя не обвинили. Несколько раз самовольно покидал пост. Если он решит пойти до конца, тебя могут изгнать из Павильона. После смерти Хань Линя он наверняка возьмётся за тебя. Тебе лучше заранее подготовиться.

— Я пришёл не просить тебя замолвить за меня словечко.

— Тогда зачем?

— Владыка Павильона Цзян и заместитель Владыки Павильона Цуй должны в эти дни вернуться из-за заставы, не так ли? — медленно произнёс Шангуань Цюэ и обернулся. — Мне нужен их маршрут. Маршрут их возвращения.

После слов Шангуань Цюэ в комнате надолго воцарилась тишина. Слышно было лишь, как за бумажным окном уныло шумит дождь.

Наконец И Утун, стараясь говорить как можно тише, произнесла: — Ты сошёл с ума.

Увидев её реакцию, Шангуань Цюэ улыбнулся. Затем он снова отвернулся и, глядя на тёмные от влаги разводы на бумаге окна, сказал: — Тебе не надоело в Чанъане?

И Утун долго не отвечала.

В тот год в Праздник середины осени беда не пришла одна. Владыка Павильона Гаснущего Светильника и Темного Дождя Цзян Шуйянь и его заместитель Цуй Фу, возвращаясь из-за заставы в Чанъань, попали в засаду врагов и были убиты на месте.

Павильон Гаснущего Светильника и Темного Дождя лишился своих предводителей и понёс тяжёлый урон.

В конце восьмого месяца по рекомендации старейшин Шангуань Цюэ временно возглавил Павильон. В то же время «Улыбающаяся Флейта, Торопящая Смерть» И Утун была переведена в Лоян. Он же отправился в столицу.

Девятого числа девятого месяца, когда вечерние сумерки окрасили всё в синие тона, Шангуань Цюэ медленно сошёл с повозки у ворот тюрьмы Министерства наказаний.

Он был безупречно одет: чёрный шёлковый наряд, на поясе — подвеска из белого нефрита, на рукавах — вышитые золотыми нитями крупные пионы. Чёрные волосы были собраны в высокий пучок и скреплены нефритовой короной и золотой шпилькой. Короткие пряди на шее и у лба были аккуратно зачёсаны назад. Его лицо, прекраснее, чем на любом портрете, излучало благородство и изысканность. Он был похож на пион из Цзиньлина.

Шангуань Цюэ редко так одевался — это слишком привлекало внимание. Он знал о своей внешности и о том, сколько хлопот она доставляла ему в делах. Но сегодня, на встречу с Лю Ицин, такой наряд был необходим.

Хань Линя вывели под руки. На его губах и переносице были большие лиловые кровоподтёки. Тюремная роба была вся в кровавых полосах от ударов плетью. Поверх неё была накинута куртка слуги, в которой его арестовали.

Вчера в столице прошёл дождь, и сейчас дул пронизывающий ветер. Неизвестно, от холода или от боли, но, увидев Шангуань Цюэ, Хань Линь задрожал всем телом.

Шангуань Цюэ быстро подошёл и, обняв его, хотел помочь сесть в повозку.

Но Хань Линь застыл на месте.

Шангуань Цюэ взял его за руку и попросил сначала сесть в повозку, сказав, что сегодня его день рождения, и они едут домой.

Они стояли так некоторое время. Наконец Хань Линь отступил на шаг и, потеряв опору, рухнул на колени прямо перед Шангуань Цюэ. Его избитые ноги не могли его удержать.

Шангуань Цюэ опустил взгляд на израненного человека. В его глазах проступила усталость. Кучер, который в последнее время возил нового Владыку Павильона по всей столице и видел, как тот хлопочет, не зная отдыха, почувствовал жалость.

Шангуань Цюэ наклонился и, протянув руку, чтобы поднять Хань Линя, сказал: — Не упрямься.

Но Хань Линь вдруг схватил его за вышитый золотом рукав. Его пальцы с такой силой впились в запястье Шангуань Цюэ, что, казалось, готовы были его сломать. Затем он поднял голову и долго смотрел в глаза наклонившемуся к нему Шангуань Цюэ. Его горло несколько раз сжалось, прежде чем он смог выговорить: — Старший брат, что ты им пообещал?

Шангуань Цюэ, не отрывая от него взгляда, другой рукой резко ударил его по шее сзади. Хань Линь тотчас обмяк и повалился в его объятия.

В начале девятого месяца Владыка Павильона Шангуань и Одиннадцатая принцесса договорились о том, что Павильон Гаснущего Светильника и Темного Дождя переходит под контроль двора. В обычное время он будет продолжать действовать в цзянху, но при необходимости будет служить ей. В обмен на это дело Хань Линя в Министерстве наказаний, а также все прошлые дела других членов Павильона, будут ею лично вычеркнуты.

С самого своего основания Павильон Гаснущего Светильника и Темного Дождя был самым независимым от властей орденом, и потому в нём собралось немало тех, кто ненавидел

нынешнее правительство.

Стать цепными псами властей — это противоречило принципам многих членов Павильона. Число тех, кто ушёл и не вернулся, было не счесть.

Потеря обычных бойцов была невелика, но уход таких мастеров, как Яо Хуан, Вэй Цзы, Хуа Цзянься, а также молчаливый уход друзей Хань Линя из Чанъаня, привёл к тому, что в Павильоне не осталось достойной смены. Он превратился в пустую, хоть и внушительную, оболочку.

Более того, по требованию Одиннадцатой принцессы, Шангуань Цюэ построил в столице новую штаб-квартиру Павильона. Позже Одиннадцатая принцесса решила, что слово «светильник» приносит несчастье, и переименовала его в Павильон Темного Дождя. С тех пор Павильон Светильника в Лояне казался ещё более заброшенным и осиротевшим.

Ради спасения своего лучшего друга довести до такого состояния орден, унаследованный от предков, — с точки зрения чувств, возможно, кто-то и мог это понять, но с точки зрения разума это не могло не вызывать гнева. Многие из тех, кто покинул Павильон, поклялись убить Шангуань Цюэ, чтобы успокоить дух Владыки Павильона Цзян.

Что касается спасённого друга, Хань Линя, ставшего причиной превращения Павильона Гаснущего Светильника и Темного Дождя в Павильон Темного Дождя, то его упрекали гораздо меньше. Шангуань Цюэ встал перед ним, защитив его от большей части оскорблений и обвинений. Пока тот лечился, Шангуань Цюэ снова назначил его заместителем Владыки Павильона.

В тюрьме его сильно ранили, и Хань Линь целыми днями лежал в постели, нуждаясь в помощи во всём. Он мог терпеть боль, пить горькие лекарства, но не мог выносить безделья.

Строительство нового павильона в столице, смена власти в Чанъане и Лояне — всё это требовало постоянного внимания Шангуань Цюэ. Хань Линь был тяжело болен, и он не хотел его беспокоить, поэтому взвалил всё на себя. Он был так занят, что у него не было ни одного свободного дня, и он мог заглянуть к Хань Линю, чтобы проверить, как тот поправляется, только по вечерам.

Из-за занятости Шангуань Цюэ приходил не каждый день, и время его визитов было непредсказуемым. Иногда он приходил днём, ужинал с ним, а иногда — поздно ночью, смотрел, как тот спит, и, посидев немного, уходил.

Хань Линь, лечивший ногу, всегда оставлял дверь для сиделки не запертой. Поэтому в одну из ночей, когда он думал, что Шангуань Цюэ не придёт, а тот вдруг открыл дверь, и произошла та неловкая ситуация.

Мужчинам свойственно утолять плотские желания, это нормально. Но если тебя в процессе

застанет старший брат, трудно делать вид, что ничего не произошло.

К счастью, Шангуань Цюэ лишь мельком взглянул, повернулся и вышел, заботливо прикрыв за собой дверь.

В тот момент Хань Линю хотелось умереть. За дверью было тихо. Прошло достаточно времени, чтобы закончить начатое, и дверь снова открылась. Шангуань Цюэ, слегка запыхавшись, запер дверь на засов и бросил ему книгу.

Хань Линю было всё ещё неловко смотреть на него. Он смущённо кашлянул и открыл книгу. Содержание повергло его в шок. Он тут же захлопнул её и растерянно спросил: — Что это значит?

Шангуань Цюэ наклонился, чтобы снять сапоги, затем откинул одеяло и лёг рядом с ним. — Вместе? — просто предложил он.

Эротические картинки были в ходу. Раньше в больших казармах мужчины толпились вокруг одной книжки, чтобы снять напряжение. Хань Линь и Шангуань Цюэ много раз натыкались на такие сцены и, не желая вдыхать спертый воздух, обычно ждали снаружи, пока они закончат.

Эта книга была нарисована очень детально, даже в цвете. То, что должно было быть красным, было красным, а то, что белым — белым. Позы были странными, но возбуждающими. Хань Линю было и любопытно, и неловко, но он не мог оторвать глаз. Даже лежа рядом со своим старшим братом, ему было трудно сдержаться.

Хань Линь был так поглощён чтением, что не замечал ничего вокруг. Он не видел, что Шангуань Цюэ ни разу не взглянул на эти полные похоти картинки.

Позже Шангуань Цюэ повернул голову и стал пристально смотреть на его лицо в момент наивысшего наслаждения, но и этого он не заметил.

Хань Линь помнил лишь, что, как только он кончил и перед глазами ещё всё плыло, старший брат несколько раз тяжело вздохнул, его уши покраснели до кончиков, и он, уткнувшись ему в плечо и слегка покусывая ключицу, тоже кончил себе на ладонь.

<http://bllate.org/book/15990/1501012>